

Вы будете смеяться, но секс-символы в нашем кино успешно функционировали задолго до Наташи Негоды, Елены Кондулайнен и Владимира Машкова. Правда, символизировали они не столько личный порыв плоти, сколько общественно полезную и регулярную отдачу себя партии и народу. Народ ценил и платил взаимностью — особо когда «объект» был высок и хорош собой. Ему за это даже прощали членство в партии.

Нагульнов, Нехлюдов и Брежнев в одном флаконе, всенародно признанный преподаватель сложной науки «любви по-русски» **ЕВГЕНИЙ МАТВЕЕВ** любезно согласился просветить корреспондента «МКБ» в некоторых творческих, и не только, вопросах. А заодно расширить его (ее) кругозор, весьма суженный редакционной текучкой. Итак, урок начинается. Замечу только, что давался он мэтром отнюдь не в академическом классе, а почти в походных условиях: а) в автобусе, б) в самолете, в) в автомобиле, г) как исключение в ресторане гостиницы (за пустым, на минуточку, столом!). Итак, звонок...

АКТЕР. Это прежде всего способность чувствовать, сопереживать событиям, которые тебя окружают, независимо от того, случились они с тобой или с кем-то другим. Способность воспринимать мир сердцем. Это не я сказал — Шекспир. Как можно возбудить сердце зрителя, если оно у тебя самого спит? Вот дорожное происшествие. Сбитый человек. Другие: «Ах! ох!» А настоящий актер должен это пережить как свою беду. И обязательно у него сердце заболит.

Это очень опасно. Но это то неразгаданное, которое не надо разгадывать. Можно в институте четыре года учить законы искусства. А каждый художник все равно живет каким-то только ему известным способом. Если актера не волнует жизнь — он будет хорошим профессиональным исполнителем. Но зажигать зрительный зал, будоражить, вызывать оттуда сопереживание он никогда не сможет. Полет сердечного биения, душевного беспокойства должен обязательно перелетать с экрана в зрительный зал.

У тебя пауза. Ты не играешь. Но ты никогда не должен забывать, что ты артист. Что ты на работе. В троллейбусе, в метро... А если книгу читаешь и не сопереживаешь, а просто впитываешь — ты уж не актер, а просто читатель.

Вот Василий Иванович Качалов играл Чацкого. В последнем акте актер стоял за колонной в темноте. А в это время Молчалин объяснялся с Софьей. И Василия Ивановича зритель не видел — только знал, что там стоит. Но тот

ИТАР-ТАСС

АЗБУКА МАТВЕЕВА

всегда плакал настоящими слезами! Он не мог себя отключить, он жил этим. Вот это великий художник.

БЕЗДАРНОСТЬ. Я имел неосторожность быть профессором ВГИКа. И страшно переживал, когда к концу курса становилось ясно: актерами будут одиндва. Я думал, что это я такой бездарный педагог. И спрашивал коллегу Бондарчука: "Сергей Федорович, скажи честно, сколько у тебя с курса будет настоящих актеров?" Он отвечал: "Думаю, Андрейченко, если не окажется глупой..." Я спрашивал профессора Баталова, который тогда выпускал киргизский курс: "Леша, так, честно: сколько у тебя будет настоящих артистов?" Он назвал двоих. Причем в одном был не уверен: "У него не хватает ума руководить собой".

Кстати, очень хорошая формулировка. Актер должен быть администратором самого себя. Иначе...

Очень много артистов пропадает в самом расцвете своего таланта. Вот, например, Николай Рыбников. Удивительно талантливый. А попал на рабочих парней — и из этой орбиты никак не мог выскочить! Характерные роли ему не предлагали. Предлагали только такие роли, которые ведь все писались под одну колодку... И ему, естественно, не хватало красок. И он стал повторяться. Помню, как-то мне сказал: "Все! Завязываю с кино вообще и уезжаю в Краснодарский край руководить самостоятельным театром в сельском клубе. И буду жить там, пока не постарею". Он понимал, что исчерпал себя. И хотел постареть, чтобы перейти в новое качество. Но, к сожалению, он так и не дожил до этого...

БРЕЖНЕВ. Культ без личности. Об этом мне уже противно говорить! (Возбуждаясь и почти крича.) Я потрясаюсь! Гитлера я могу играть! Пугачева! Бабу Ягу! Брежнева — не могу! Я лицедей! Это моя профессия. Однажды спросили у Николая Афа-

насьевича Крючкова: "Зачем вы играли в этом плохом фильме?" И он ответил: "А если я откажусь, что я в зобик внушке кину?"

Это моя профессия. Как отказаться? Я штатный актер. Это первое. А почему нет — второе. Если в фильме "Солдаты свободы" Чаушеску молодой, Хонеккер молодой, Живков молодой — все, что стояли у истоков создания социалистических государств. А нашего нет? Это опять идиотизм. Мы дошли до такого абсурда в борьбе с культом личности, что сняли с экранов готовые фильмы про Мусоргского, Римского-Корсакова, Суворова. Долой культ личности! Ну идиотизм! Какой-то дурак побежал впереди паровоза, и стали калечить картины.

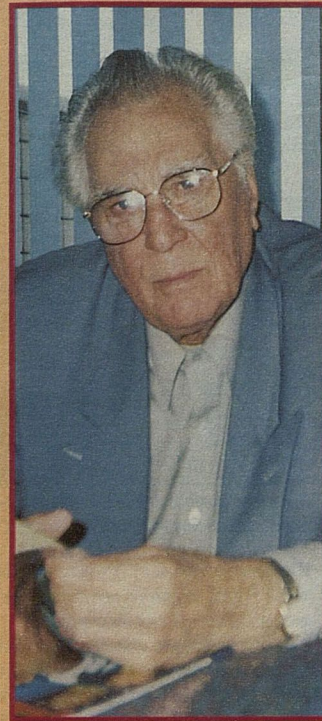
Другое дело, что... роль-то была маленькая. Три маленьких эпизода. А картина четырехсерийная. Характера не было! Взял энциклопедию, посмотрел даты. Как телефонная книжка... Думаю: как играть? Тем более что он геккал. Для меня все это было беспокойство. Я заервничал и захотел уйти. Намекал, что я возрастом постарше, чем Леонид Ильич был в то время, и ростом подлиннее. Но мне сказали: "Хватит! Вы утверждены". А утверждал Суслов. Эта картина была государственного масштаба.

Но потом я сыграл Брежнева-старика. Жалко, что никто не видел картину "Клан" — там Медунов, вся рыбая сочинская история. Там я уже шамкающий старик, еле передвигающий ноги. Но после встречи с ним застрелился зам. генерального прокурора. Единственное, чего я боялся, — чтобы не получилась карикатура. Я смотрел в глаза осветителям, уборщикам — не перебор? И горжусь здорово. А картину показали один раз по телевидению, и прокуратура запретила ее показ.

ГИТЛЕР. Чудовище, которое принесло мне успех. Но не в профессиональном театре. Я был офицером 1-го Тюменского пехотного училища. У нас был такой

НЕСЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ЕВГЕНИЙ МАТВЕЕВ

Родился 8 марта 1922 года в селе Новоукраинка Скадовского района Херсонской области. В школе занимался в драмкружке, затем поступил в театральную студию при Херсонском театре, где впервые вышел на сцену. Окончил Киноактерскую школу при Киевской киностудии. В 1941 году поступил в 1-е Тюменское пехотное училище, стал командиром взвода. В 1948 году начал работать в Новосибирском театре "Красный факел". В 1952 году приходит работать в московский Малый театр. В кино снимается с 1954 года ("Доброе утро", "Искатели", "Дом, в котором я живу", "Поднятая целина", "Воскресение", "Родная кровь", "Солдаты свободы", "Победа" и др.). Как режиссер снял картины "Цыган", "Почтовый роман", "Любовь земная", "Судьба", "Любить по-русски" (три серии) и др. Преподавал во ВГИКе. 15 лет писал книги воспоминаний "Судьба по-русски", которую издал "Вагриус" в 2000 году. Женат, жена Лидия — певица и актриса. Дети: дочь Светлана и сын Андрей. Внуки: Алексей (25) и Евгений (17) — студенты, Надя (7) — школьница.

потрясающий коллектив самостоятельности, который привлекал зрителей значительно больше, чем городской театр. И режиссеры у нас свои были. Такая ядреная, талантливая самостоятельность. Я даже танцевал с профессиональной балериной танец из "Лебединого озера" с поддержками! И вот поставили такой скетч с Гитлером. И Гитлера играл я. И начиналось все тем, что Гитлер ложился в гроб. Такого гомерического хохота я никогда в жизни еще не слышал!

ГЛАЗА. Это действительно зеркало души. Я тут недавно стал вспоминать глаза людей во время Отечественной войны.

В войну через меня прошли тысячи солдат — и юные совсем, и значительно старше. Я вглядывался и в глаза штатских — особенно женщин на предприятиях. Так вот — я не вспомнил злых глаз. Я вспомнил глаза с печалью. С тоской. С ожиданием. С укором. Гнев был. Но гнев и злость — разные вещи. Гнев украшает человека, а злость — безобразит. Я не вспомнил злых глаз вообще! Наверное, потому, что люди были связаны одним горем. А сегодня все чаще вижу злые глаза. Причем злобно злые. Люди неуверенно живут. Они не знают, куда мы идем, так ли мы идем, зачем...

ГОЛУБАЯ КРОВЬ. А также "белая кровь" и все такое. Субстанция для меня вдвойне загадочная, хотя "дворян" вокруг сегодня пруд пруди. Ну сельский я мужик! От меня, кажется, и сейчас польный пахнет.

Поэтому после "Поднятой целины" приглашение меня на Нехлюдова было такой неожиданностью. Я никак не мог себя представить аристократом. Ну не мог! И знаю, что пробовались на Нехлюдова актеры, так называемые, "фрачные", известные, талантливые. И вдруг мне роль предлагают. И я спросил у Швейцера — почему вдруг? Вы же знаете, что я — это кирзовые сапоги, проплетевшая гимнастерка. Но не крахмальное белье и серебряная посуда.

И я понял, почему он хотел меня. Швейцер мне сказал. "Понимаешь, у Толстого он очень мягкий. Даже безвольный. Несмотря на то что идет за ней в Сибирь. Мне хочется, чтобы это был сильный мужик".

Образ этот действительно написан Львом Николаевичем довольно слабо. Выписана Катюша Маслова. И сам Толстой признавался в дневниках, что безумно любит Маслову и ненавидит Нехлюдова и что ему трудно его писать. В ВТО я не нашел ни одной рецензии, где бы актера хвалили за Нехлюдова! Все Катюша, Катюша. Катюша. Даже Царев мне сказал: "Рискуешь. Будешь держать ее за талию, а она будет крутить 36 футов. А ты будешь стоять". Но мне так хотелось контраста! Мне важно было заявить о себе, что я разноплановый актер.

Фильм вышел. Особенно мне нравится первая серия. А во второй я лучше. Сильнее. Точнее. Поначалу трудно мне было в этой шкуре. Неможно не мое. Вроде я как бы не своими ногами хожу.

"Две звезды, две светлых повести"... — писателю Евгению Матвееву есть что рассказать актрисе Римме Марковой.

А ко второму фильму уже вошел. Поначалу рецензии меня щипали. А спустя много лет критики признали, что это достойно сыграно.

КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ. Это огромная сила. Я был студентом театральной студии при театре в Херсоне. На пропитание себе зарабатывал тем, что выходил в массовке. А Николай Константинович Черкасов был проездом у нас, и его затащили на спектакль. Я играл бессловесную роль старого солдата в пьесе "Бесталанна" (то есть "неудачница"). При моем росте я весил 50 кг — такая жердь! Уже смешно! А еще хохмы придумал режиссер. И когда была встреча с Черкасовым, тот поинтересовался: где ж этот Мочалка-то? Привели. И он сразу: давай учиться! Немедленно! Вот сейчас Александр Петрович Довженко набирает студию. Короче, меня сразу взяли на второй курс...

Вообще я крещен великими людьми. Крестная мама — великая Варвара Николаевна Рыжова. Я дебютировал в Малом театре в роли Незнамова в "Без вины виноватый" в 1952 году. На спектакль пришли мастера из МХАТа, сидели мэтры Малого театра. Пришел Александр Алексеевич Остужев — великий трагик Малого театра. Он был уже совершенно глухой, не играл и ходил с трубкой. И он сел в первом ряду.

А у меня волнение было такое, что я не владел языком, губами — ничего не мог. Помощник режиссера подвела меня к декорации — там сидела Рыжова. Она уже плохо видела. Ей говорят: это наш новый актер из Сибири, сегодня первый раз играет Незнамова. И она полезла куда-то глубоко в юбку, достала икону, перекрестила меня. Коммуниста! Я вышел на сцену в шоке. Нахально вышел, а сказать не могу. Режиссер кричит мне слова роли. Елена Николаевна Гоголева подсказывает: "Вы хотели что-то сказать?" А я не могу. Потом прорвало.

«Я — это кирзовые сапоги, пропотевшая гимнастерка...» Всего этого было с избытком у Макара Нагульнова в «Плоднотой целине».

От рискованного князя Нехлюдова — Матвеева пахло полыньей... Но он крепко держал Катюшу Маслову — Тамару Семинову, а она все крутила свои 36 футов...

И выдал с отчаянием: "Ну чего вы боитесь? Я ваш собрат по искусству. А может, по ремеслу? Как вы считаете?"

Вот такие были мои первые слова. Сыграл сцену. Ушел при гробовой тишине зрительного зала. А знаю, что после этой сцены Незнамов уходит под овации. В антракте ко мне в гримерку приходит Остужев и говорит: "Молодой человек! Дай Бог вам еще хотя бы один раз выйти в этой роли, как сегодня со сцены. Публика вам не аглодировала от глубины чувств — какое счастье: она была потрясена".

ЛОШАДЬ. Роковое для меня животное. Дважды подводило. Сначала я повредил мениск на съемках "Поднятой целины" — лечился у Зои Мироновой. Потом в 1965 году на праздничном представлении в Николаеве лошади, испугавшись прожекторов, понесли тачанку Нагульнова. Она опрокинулась, я, сделав прыжок метров на семь, рухнул на асфальт. Повреждение позвоночника, Кремлевка... Два с половиной года инвалид-

ности. Это и побудило меня стать режиссером — мне сказали, что актером я уже никогда не буду. Но вообще-то режиссура сидела во мне с момента, когда я вышел на сцену. Мне всегда казалось, что режиссеры мне дают меньше того, что я могу.

ЛЮБОВЬ ПО-РУССКИ. Это значит беречь, охранять... Любоваться красотой... Поздороваться с незнакомой женщиной... Ободрить словом. Мне показалось, что нашу женщину до такой степени унизили... Я прожил большую жизнь, я такое видел... И сейчас вижу, как бедные женщины мучаются. Мне претит и когда женщину превращают в предмет только для утех и удовольствия.

Я и сам во второй картине показываю обнаженную женщину. Но там же есть на что смотреть! В Париже я всегда бегу в Дом Родена, великого скульптора — у него во дворе много скульптур. И есть такая "Ускользящая любовь". В натуральную величину два тела в белом холодном мраморе с яростным желанием соединиться. Когда я смотрю на них, мне кажется, я слышу космическую музыку... Это красиво, это возвышенно. Это я хотел, хочу и буду хотеть!

Продолжение? Все хорошо в меру. Отлюбил я... Я не был настроен на марафон. А на короткую дистанцию. И выстраивал характеры так. А дальше они будут стоять... Сюжет будет высасываться из пальца — как в сериале. Характеры не растут, не укрупняются, не обогащаются. А раз этого не происходит — зрителю неинтересно. Ты уже не можешь удивить. Дикий сказал замечательно, когда Центральный комитет заставляла его поставить одну плохую пьесу. Я присутствовал при этом. Он сказал, обращаясь к артистам: "Перед нами говно. Надо сделать его или зеленым, или голубым. Чтобы зритель удивился". Это гениально.

Я вижу, что мои характеры уже себя исчерпали. Я им добавить ничего не могу. И хотя меня очень уговаривают сделать телевизионный сериальный вариант, но я не могу.

МЕЛОДИЯ. Это то, что не всякий услышит. Я как-то шел с композитором Соловьевым-Седым в Ростове и спросил его: "Василий Павлович, а как вам пришли в голову "Не слышны в саду даже шорохи, все здесь замерло до утра..."?" Он отвечает: "Черт его знает. Услышал". В это время рядом проходил трамвай. Он спрашивает: "Что ты слышишь?" — "Дзинь-дзинь-дзинь". — "Как мало!" И он тут же на это "дзинь-дзинь-дзинь" напел мелодию. Божественную! Она перекинулась с церковным колокольным звоном... Я ее повторить не могу. То есть слышит, кому дано.

МЕЛОДРАМА. Народный жанр. Я вообще ее люблю. Люблю, когда в зале плачут. Потому что знаю: раз человек плачет — значит, сопереживает. И сам того не замечая, делается лучше, красивей. А какой еще смысл искусства? И вот я предложил лентфильмовцам поставить "Цыгана" Какинина. Они наотрез. А киевляне узнали и приехали ко мне. Предложили мне ставить. Там был скандал — автор не принимал... Я, кстати, ходил в корсете и с палочкой... И не намеревался играть Будулая. Но не приехал актер на пробы. И я приклеил бороду и подыграл Хитяевой. И на комиссии мне сказали — что вы мучаетесь, сами играйте. И я рискнул. Картина имела фантастический успех. 67 миллионов зрителей. Я тогда никому не доверял — все делал сам. Это неверно. Надо группу воспитывать — каждый должен делать свое дело.

НЕРВНЫЕ КЛЕТКИ. Они у актера очень мягкие. Вот встречаешь артиста, который давно не играл. Он как заскоруждый гуммоз — надо разминать. Такого актера неохота приглашать — некогда этим заниматься. Актер должен принимать роль, как мячик в пинг-понге. Точные удары. Поэтому в кино так часто снимаются театральные артисты. Они просто натренированные — тело готово, душа разгорячена. А актеры кино всегда злятся.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Обязательное качество артиста. Например, в "Воскресении" я нес ответственность перед Толстым, перед читателями. Это же любимое произведение народа. Вот почему, вживаясь в образ Нехлюдова, посещал тюрьмы, провёл в Ясной Поляне неделю. Пропитывался духом. В Хамовники ходил, дневники читал. Везде репетировал — говорил себе: "Я не Матвеев, я Нехлюдов". И здоровался со стюардессами как князь, и садился в кресло, и выходил...

ПОЕЗДКИ. Это счастье. Когда-то я ждал смены мест, впечатлений, острых ощущений. Этот набор, конечно, и актеру, и режиссеру очень нужен. Надо пополнять

запас видимого, слышимого, прочувствованного... Это грандиозно! Если только не использовать их как просто работу. Если ты едешь за впечатлениями, за ощущениями — то это неоченимо. Я лично люблю лезть по глубинке. Там люди менее политизированные, здоровее нервами — они не взмывают так, как в Москве (у нас если дотронешься в метро до человека — тебя током бьет). А живут труднее. Вчера я был в замечательном красивом городе корабелов Северодвинске. Там огромное число безработных. Люди живут впроголодь. Высокие профессионалы получают по 700—800 рублей! Как они выкручиваются? Значит, горе. Значит, от этого человек злой на весь мир — он не понимает, как он живет. И мне надо взять в копилку своего сердца эту боль...

ПОКЛОННИЦЫ. Неизменный атрибут актера. Но! Любопытная штука происходит. Сначала ходили молодые девочки с горящими глазами. Спустя лет 15 подходит девочка: "Ой, как моя мама вас любит!" А сейчас: "У моей бабушки все ваши фотографии есть!" А я еще чего-то там глазом поигрываю!

Вот как-то в самолете у меня был случай. Стюардесса хороша, понравилась — глаз не могу оторвать, как от произведения искусства. И она, конечно, чувствовала. Подходит и спрашивает: "Правда, что Алла Ларионова жена Рыбникова?" Я говорю: "Правда". Она: "Ой! Так он же

старый!" А я же старше Коли Рыбникова и глаз на нее положил! Нет, думаю, надо знать свое место.

РЕВНОСТЬ. Редкое искусство. Вот моя жена умела болеть, страдать молча — она меня делала. Это удивительно. Никогда за всю жизнь она не говорила, что ей надо. Только: "Женя, тебе надо... Или детям..." У нас были постоянные переезды. Донимали поклонницы — звонки, письма всякие. Случались и увлечения. Но Лида не устраивала скандалов. Просто говорила: "Если тебе там лучше — уходи". И я понял, что не могу без нее.

Она пела 25 лет в хоре Большого театра. У нее феноменальный голос. Театр стационарный, не надо было гастролировать. Ей было это важно — она могла заниматься детьми... Чтобы я мог спокойно работать и учиться. Потому что, уже работая в Малом театре, я учился в семинаре при ВТО, там преподавал Михаил Николаевич Кедров. Какие там были ученики! Константинов, Плятт, Марецкая, Лукьянов, Оля Хорькова, Гриценко, Ефремов...

РУССКИЙ ХАРАКТЕР. Это загадка только для японца, для немца, для китайца, может быть, но не для меня. Потому что, мне кажется, душа русская до такой степени открыта... Я вижу в ней такие боли, и страдания, и такую удачу, и такое мужество, такую силу. Однажды в Архангельске, в День Военно-морского флота, я был

"Вот она, русская душа! Вот что такое любить по-русски!"
Женщины Матвеева на ходу останавливают не коня, а пушку!

приглашен на парад как участник войны и стоял рядом с губернатором и с командующим... И когда пошли ветераны — по-моему, еще в довоенных костюмах, в бедных сандалях — я боялся заревать от счастья, что я их вижу. Как они шли! Как достойно! Как они держали подбородок! Какой свет любви, патриотизма, национальной гордости был в их глазах! Вот это — загадочная русская душа? Когда все на виду?

СОБЕСЕДНИК. Первая необходимость. Я не настолько беспардонен и нахален, что хочу с экрана или со сцены учить народ жить. И сказать ему, как надо. Я не знаю, как жить. Никаких рецептов у меня нет. Но я знаю, что поломали потрясающую пропагандистскую машину КПСС — десятки тысяч агитаторов, лекторов обкомов, райкомов, ЦК кидались в народ и объясняли, что ему нужно. А мы вот уже десять лет занимаемся новой жизнью — и еще никто не объяснил, что это такое! Сидят на экране два академика, между собой говорят — я сижу как баран — ничего не понимаю. Они в экономике разбираются, я — нет. Но есть вещи, которые народу надо понять. И мне кажется, что, беседуя со зрителями, мы обоюдно разбираемся. Народу нужен собеседник.

ШОК. Это не по-нашему. Меня шокирует до ужаса, что мы сразу кинулись в омут — открыли шлюзы, и хлынули со дна дрянь, погань, пошлость, цинизм, разврат... Все наверх — и тут "художники" стали жадно схватывать, сачками вылавливать эту дрянь и тащить ее на экран. Для меня это просто страшно. А стало невероятно модно. Бандитско-убойные сериалы идут один за одним.

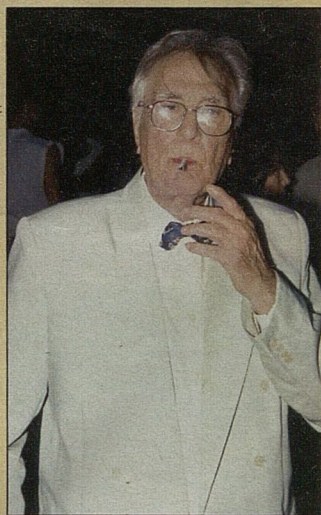
Для меня же простой человек, крестьянин, рабочий, учитель, врач интересней всего — там такие залежи человеческой красоты. Где они? Куда девались эти люди-глыбы? Один человек в фильме представлял в себе общество, страну... Сейчас Россию судят по бандитам и новым русским со стриженными затылками. Штатпы уже появились. Но меня это не интересует. Меня интересует глубина человеческих чувств. Потому что человек очень красив. Но сам того не знает.

ЯЙЦА. Продукт загадочный. Както на съемках в деревне работали мы как проклятые по 12 часов без обеденного перерыва. Снимали во дворе у крестьянки. И вдруг она, глядя на нас, говорит мне: "Семеныч, зайди, я тебя покормлю". Мне некогда было, но не мог я ее обидеть. Зашел в эту избу. Нищета! Но половники — по-моему, еще дореволюционные, домотканые — чистые, пречистые, стерильные. Я присел на стул — он зашатался: еще дореволюционный.

— Ты яйца сырые любишь?
А я их не люблю. Но не признался. И она принесла два яйца. Кинулась искать соль — принесла такую крупную, заско-рузную — капусту солить... Кусочек хлеба. И я стал есть. У нее глаза влажные — плачет от счастья, что кормит, что я ем с удовольствием.

Вот она, русская душа! Вот что такое любить по-русски!

Во всех моих трех фильмах женщины у меня такие. Я вообще считаю, что ее надо поднимать выше земли сантиметров хотя бы на двадцать. Чтобы она была видна. Чтобы и незнакомые здоровались... Судьба матери, сестры, жены у меня здесь вся (стучит кулаком по сердцу). Может, поэтому я к женщинам отношусь особенно нежно?

ОРТОПЕДИЧЕСКИЕ МАТРАСЫ И ПОДСТАВКИ компания «Lordflex's», Италия

1. MARIANA'S — ортопедический матрас, предохраняет и способствует лечению от различных костно-мышечных болезней, снимает напряжение от дневной нагрузки, нормализует и восстанавливает организм во время здорового сна, обеспечивает правильное развитие позвоночника — **основу гордой осанки, красивой походки.**

MARIANA'S рекомендуется при радикулитах, остеохондрозах, сколиозах, лордозе, артрозах и артритах. Имеет зимнюю и летнюю стороны, легко транспортируется: зимой в квартире, летом на даче.

2. RETE-DIVA — ортопедическая подставка с овальными рейками из бамбука. Рекомендуется использовать для полного раскрытия возможностей матраса. Конструкция работает следующим образом: вес человека создает определенное давление на матрас, которое соответственно передается на конструкцию подставки. При этом на каждую овальную рейку приходится определенная часть этого давления, пластинка пропорционально изгибается, создавая дифференцированное противодействие, которое разгружает позвоночник и расслабляет мышцы.

В продаже представлены и элитные ортопедические матрасы:

● **NATURISTA** — универсальный ортопедический матрас из натуральных компонентов: каучук, конский волос, кокосовые волокна, морские травы.

Полная поддержка тела! Комфортный сон и быстрое восстановление сна.

● **COVER** — самоподстраивающийся многослойный матрас с системой локализованных пружин (независимые подвески). Гармоничная поддержка позвоночника и предохранение от искривления. Матрасы **NATURISTA** и **COVER** снабжены съемным чехлом на замочке, набитый, с одной стороны, шотландской шерстью, с другой — египетским хлопком.

Поставки матрасов и подставок осуществляются со склада в Москве. Тел.: 205-49-19, 255-96-97, 205-49-28, 205-49-15.